

М. В. Шкаровский

Возрождение церкви Смоленской иконы Божией Матери и часовни Ксении Блаженной на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга в 1946–1950-е гг.

УДК 271.2-523-9(470.23-25)
DOI 10.47132/1814-5574_2022_3_59
EDN ELURBG

Аннотация: Одним из важных духовных центров Санкт-Петербурга с XIX в. было Смоленское кладбище, что особенно ярко проявилось в советский период. К 1917 г. на кладбище существовали три церкви и особо почитаемая верующими часовня над могилой блаженной Ксении Петербургской. В ходе антирелигиозных гонений в начале 1930-х гг. были закрыты Воскресенская и Троицкая церкви. Смоленская церковь и часовня Ксении Блаженной были закрыты одними из последних в городе — в сентябре 1940 г., накануне начала Великой Отечественной войны, но уже в 1946 г. советские власти оказались вынуждены разрешить их открытие и возвращение верующим. В дальнейшем церковь и часовня были быстро восстановлены и вновь стали местом поклонения горожан. Причт Смоленского кладбища был самым большим в Северной столице, его доходы постоянно росли. Все это вызывало резкое недовольство властей, и после начала новых антирелигиозных гонений часовня Ксении Блаженной была закрыта. Затем началась многолетняя борьба верующих за ее возрождение, завершившаяся успехом уже в 1980-е гг. Статья подготовлена на основе значительного комплекса ранее не введенных в научный оборот архивных документов.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Санкт-Петербург, Смоленское кладбище, часовня Ксении Блаженной, советская религиозная политика, восстановление церковной жизни.

Об авторе: **Михаил Витальевич Шкаровский**

Доктор исторических наук, главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, профессор кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии.
E-mail: shkarovs@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1918-5319>

Для цитирования: Шкаровский М. В. Возрождение церкви Смоленской иконы Божией Матери и часовни Ксении Блаженной на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга в 1946–1950-е гг. // Христианское чтение. 2022. № 3. С. 59–77.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3

2022

Mikhail V. Shkarovsky

**The Revival of the Church of the Smolensk Icon
of the Mother of God and the Chapel of Xenia the Blessed
at the Smolensk Cemetery in St. Petersburg in 1946–1950s**

UDK 271.2-523-9(470.23-25)
DOI 10.47132/1814-5574_2022_3_59
EDN ELURBG

Abstract: One of the important spiritual centers of St. Petersburg since the 19th century was the Smolensk Cemetery, which was especially pronounced in the Soviet period. By 1917, there were three churches in the cemetery and a chapel over the grave of Blessed Xenia of St. Petersburg, especially revered by believers. During the anti-religious persecution in the early 1930s, the Resurrection and Trinity churches were closed. The Smolensk Church and the chapel of Xenia the Blessed were one of the last closed in the city – in September 1940, on the eve of the outbreak of the Great Patriotic War, but already in 1946 the Soviet authorities were forced to allow their opening and return to believers. In the future, the church and chapel were quickly restored and again became a place of worship for the townspeople. The clergy of the Smolensk Cemetery was the largest in the “northern capital” and its income was constantly growing. All this caused a sharp dissatisfaction with the authorities and after the beginning of new anti-religious persecutions, the chapel of Xenia the Blessed was closed. After that, a long-term struggle of believers for its revival began, which ended with success in the 1980s. The article is prepared on the basis of a significant set of archival documents not previously introduced into scientific circulation.

Keywords: Russian Orthodox Church, St. Petersburg, Smolensk Cemetery, chapel of Xenia the Blessed, Soviet religious policy, restoration of church life.

About the author: **Mikhail Vitalievich Shkarovsky**

Doctor of Historical Sciences, chief archivist of the Central State Archive of St. Petersburg, Professor of the Department of Church History at St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: shkarovs@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1918-5319>

For citation: Shkarovsky M.V. The Revival of the Church of the Smolensk Icon of the Mother of God and the Chapel of Xenia the Blessed at the Smolensk Cemetery in St. Petersburg in 1946–1950s. *Khristianskoye Chteniye*, 2022, no. 3, pp. 59–77.

Одним из важных духовных центров Санкт-Петербурга с XIX в. было Смоленское кладбище, на котором к 1917 г. существовали три церкви и особо почитаемая верующими часовня над могилой знаменитой блаженной Ксении Петербургской. В ходе антирелигиозных гонений советских властей в начале 1930-х гг. были закрыты Воскресенская и в дальнейшем снесенная Троицкая церкви. Накануне начала Великой Отечественной войны оказались закрыты последняя действующая церковь Смоленской иконы Божией Матери и часовня Ксении Блаженной. Возобновление церковной жизни на Смоленском кладбище произошло после окончания войны, в годы которой существенно изменилась советская религиозная политика. При этом Смоленская церковь стала одной из двух открытых в Ленинграде в послевоенный период храмов (наряду с Троицкой церковью «Кулич и Пасха»).

Постановление о закрытии Смоленской церкви и передаче ее здания в распоряжение Свердловского райисполкома Ленгорисполком принял 17 августа 1940 г., причем часовню Ксении Блаженной, «фактически не функционирующую больше года» (что было ложью), предписывалось снести в месячный срок. Акт закрытия и передачи имущества в Госфонд был подписан 2 сентября (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 66. Л. 184–185, 189). Внутреннее убранство Смоленского храма было практически полностью уничтожено. «Ликвидацией» церковного имущества руководила лично инспектор по делам культов Ленгорисполкома А. В. Татаринцева, причем почти все иконы она отправила на утилизационный завод, а образ с изображением Ксении Блаженной уничтожила лично (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 66. Л. 194–194 об.).

Уцелела лишь одна икона Смоленской церкви – находившийся тогда в ней чудотворный Казанский образ Божией Матери. Благодаря ходатайству митрополита Ленинградского Алексия (Симанского) главная православная святыня города на Неве была передана из «обновленческого плена» в кафедральный Князь-Владимирский собор митрополии.

К закрытой 2 сентября 1940 г. вместе со Смоленским храмом часовне Ксении Блаженной по-прежнему приходили с молитвами верующие, оставлявшие многочисленные записки. По молитвам блж. Ксении Петербургской и ее верных почитателей часовня сохранилась: постановление о ее сносе в месячный срок не выполнили. 3 января 1941 г. опросом членов Ленгорисполкома было принято решение часовню Ксении Блаженной не сносить, а предоставить под мастерскую художников-скульпторов (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 76. Л. 103). При этом мощи св. Ксении Петербургской сохранились в часовне под спудом.

В период Великой Отечественной войны и блокады Смоленское кладбище, несмотря на закрытие всех храмов, оставалось важным центром духовной жизни осажденного города. Верующие приходили, прежде всего, к часовне Ксении Блаженной. Люди молились у закрытых дверей часовни и по давней традиции писали записочки со своими просьбами и мольбами и ставили свечи. Молитва у могилы блаженной согревала души в военное лихолетье. Живущие ныне блокадники рассказывают, что детьми они воспринимали святую как реально существующего человека, который живет рядом с ними в осажденном городе. И все потому, что от взрослых часто слышали: «Надо сходить к Ксеньюшке», или: «Пойдем к Ксеньюшке, она поможет» [Шкаровский, 2005, 29].

В известном блокадном дневнике инженера В. В. Левыкина отмечалось, что 6 февраля 1942 г. Левыкины-Олиховы посетили могилу блж. Ксении Петербургской, предварительно помолившись и прочитав святое Евангелие. В дневнике также отмечалось, что жена Виктора Левыкина Татьяна Олихова «попросила у Ксении кусочек жирку», и на следующий день они получили «500 гр. чудного жира» [Петров, 2020, 74, 250].

Петербургская исследовательница, главный хранитель Архива Санкт-Петербургской епархии О. И. Ходаковская в фильме «Блокадные храмы Петербурга» (2019) констатировала, что, помимо распространенных в городе в годы блокады молитв, у верующих ленинградцев вошло в обычай часто посещать могилу Ксении Блаженной, у которой просили заступничества и защиты в тяжелые военные годы.

Одна из блокадниц свидетельствовала историку И. В. Петрову, что в годы войны она попала под завалы, образовавшиеся после немецкой бомбардировки. Ее мать молилась о погибшем ребенке перед могилой Ксении Блаженной, и на следующий день ей удалось отыскать дочь живой [Петров, 2020, 74]. Сохранились свидетельства о явлениях и помощи в военное время святой Ксении Петербургской не только жителям Северной столицы, но и воинам советской армии даже при освобождении Праги в 1945 г.

В годы блокады на Смоленском кладбище хоронили воинов и мирных жителей города, умерших от голода или погибших во время бомбежек. На правом берегу реки Смоленки, напротив православного кладбища, были устроены братские могилы. После окончания войны вблизи берега Смоленки появилась гранитная стела, посвященная скончавшимся в 1941–1942 гг. профессорам и сотрудникам Академии художеств. Здесь были похоронены И. Я. Билибин, О. Р. Мунц, Я. Г. Гевирц, П. С. Наумов, А. Е. Карев, В. А. Фролов, П. А. Шилинговский, К. П. Фурсов.

Наскоро после снятия блокады был осуществлен план, намеченный незадолго до начала Великой Отечественной войны. Тогда, к двадцатой годовщине смерти Александра Блока, по инициативе Союза писателей прах поэта решили перенести на Литераторские мостки Волкова кладбища. 26 сентября 1944 г. на Смоленском кладбище собрались сотрудники Музея городской скульптуры, кладбищенской администрации и санэпидстанции. От писательской организации были лишь литературоведы В. С. Спиридонов и Д. Е. Максимов. В подготовленные деревянные ящики были сначала помещены останки А. Н., Е. Г., М. А. Бекетовых и А. А. Кублицкой-Пиотух, затем наступил черед могилы великого поэта.

Спустя 30 лет после этих событий Д. Е. Максимов в своих воспоминаниях дал яркую характеристику бессмысленности и ненужности фактического уничтожения блоковской могилы: «Горько было то, что с переносом могилы Блока нарушалась духовно важная для многих связь с этой знакомой, вошедшей в их жизнь могилой — скромной, зеленой, расположенной в уютном уголке кладбища, посещаемой читателями Блока... юношами и девушками, влюбленными, счастливыми, объединенными в пары или одиночками, грустящими, приходящими сюда посидеть на простой скамейке, посмотреть на деревянный некрашеный крест и травянистый могильный холмик». На подводе прах поэта доставили на Литераторские мостки. Утром 28 сентября 1944 г. его останки были преданы земле [Пирожков и др., 1993, 246–247].

Следует упомянуть, что в период блокады от голода погибли четыре бывших священнослужителя Смоленской церкви: ее настоятель протопресвитер Алексей Абакумов, протоиереи Иоанн Громов, Гавриил Васильев и архидиакон Симеон Верзилов. От голода скончался и служивший в 1930-е гг. на Смоленском кладбище без храма протоиерей Димитрий Георгиевский. Протоиерей Николай Алексеев в 1941–1943 гг. воевал на Ленинградском фронте, был тяжело ранен, стал инвалидом войны, но после перехода в Московский Патриархат служил в храмах города. Еще один бывший член причта Смоленской церкви протоиерей Павел Фруктовский весь период блокады служил в Спасо-Преображенском соборе, заслужив любовь и уважение прихожан (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 67. Л. 132).

В годы Великой Отечественной войны произошло существенное изменение советской религиозной политики. 4 сентября 1943 г. состоялся официальный прием в Кремле И. Сталиным и В. Молотовым возглавлявших Московский патриархат митрополитов Сергея (Страгородского), Алексея (Симанского) и Николая (Ярушевича) (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–10). Для осуществления контролирующей роли по постановлению СНК от 14 сентября был создан специальный орган — Совет по делам Русской православной церкви при правительстве СССР, во главе с полковником госбезопасности Г. Г. Карповым. Согласно Положению о Совете, он должен был иметь своих уполномоченных при облисполкомах, и 21 февраля 1944 г. решением Лен-облисполкома уполномоченным по Ленинградской области был назначен полковник госбезопасности А. И. Кушнарв.

Глубокие изменения в жизни Русской Православной Церкви начались сразу же после встречи в Кремле. 8 сентября в Москве состоялся Собор епископов, на котором 19 иерархов единогласно избрали Патриархом Московским и всея Руси митрополита Сергия [Добрынин, 1963, 68]. Русской Церкви разрешили в ограниченных размерах открывать храмы, монастыри, духовные учебные заведения и т. п.

Первые два заявления об открытии храмов от верующих в Ленинградской епархии поступили в декабре 1943 г., почти сразу после того, как Совнарком СССР 28 ноября утвердил предложения Совета по делам Русской православной церкви о порядке открытия церквей. И первым культовым зданием Ленинграда, которое верующие просили открыть, была часовня Ксении Блаженной на Смоленском кладбище.

В частности, 20 декабря 1943 г. А. М. Нехорошева в своем письме просила митрополита Ленинградского Алексия (Симанского) ходатайствовать «пред нашим правительством» об открытии часовни, «где много людей приходит и молятся у закрытых дверей». Автор письма считала, что «никакого ущерба Государству быть не может, если разрешат открыть, кроме прибыли и успокоения людей» (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 11. П. 11. Д. 50. Л. 2). В конце декабря 1943 г. К. Н. Шуренковой митрополиту Алексию было направлено второе подобное письмо (АСПБЕ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 44. Л. 4). В мае 1944 г. поступило коллективное ходатайство в Ленгорисполком: «Умоляюще просим Вас разрешить открыть часовню на Смоленском кладбище Ксении Блаженной, которая для нас верующих нужна, [чтобы] молиться Богу для быстреего разгрома общего врага — гитлеризма и о скором окончании войны с победой русского народа над немцами» (ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 13. Л. 31).

Прошение было передано Ленинградскому уполномоченному А. И. Кушнареву, но процесс открытия тогда не был начат. Несмотря на постепенную нормализацию государственно-церковных взаимоотношений, митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий на прошении А. М. Нехорошевой поставил резолюцию: «Сейчас несвоевременно возбуждать ходатайство об открытии храма» (ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 13. Л. 32). Видимо, на решение владыки повлиял и тот факт, что только 5 февраля 1944 г. Совет по делам Русской православной церкви принял постановление об официальном открытии первых храмов.

Причиной игнорирования прошений верующих об открытии часовни была не только их «несвоевременность», но и то, что советские власти относились к могиле Ксении Блаженной как к «рассаднику мракобесия и изуверства». Некоторые представители ленинградского руководства считали, что это место является «точкой притяжения» враждебных советской власти сил. У закрытой часовни постоянно собирались верующие и, уходя, оставляли записки с просьбой к блж. Ксении Петербургской о небесном заступничестве, в том числе о репрессированных, что вызывало негативное отношение властей к «несоветскому поведению» граждан и «несанкционированным сборищам» [Юдин, 1966, 52–69]. Но, несмотря на негативное отношение властей к этой петербургской святыне, верующие продолжали ходатайствовать об открытии часовни.

Всего за 1944 г. в различные инстанции поступило 79 ходатайств жителей Ленинграда и области об открытии различных храмов. В первое полугодие 1945 г. пришло еще 15 заявлений от верующих епархии (ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 13. Л. 19–22; Д. 9. Л. 79). В 1944 — начале 1945 гг. владыки поддерживали лишь немногие ходатайства, главным образом ввиду близости фронта, плохого состояния зданий и невозможности самим прихожанам произвести ремонт их, а также из-за отсутствия кандидатов в священники, которых не хватало и на действующие храмы (АСПБЕ. Ф. 3. Оп. 11. Д. 50. Л. 2).

В последние годы войны жители Северной столицы просили и об открытии кладбищенского храма Смоленской иконы Божией Матери: в 1944–1945 гг. от верующих Свердловского района Ленинграда на имя управляющего Ленинградской епархии архиепископа Псковского и Порховского Григория (Чукова) и уполномоченного А. И. Кушнарева поступило несколько прошений об этом.

В начале 1945 г. архиеп. Григорий получил письмо от 11 января с просьбой открыть какой-либо храм на Васильевском острове по причине того, что «жителей в Ленинграде значительно прибавилось, и в церквях создается теснота и давка, особенно в праздничные дни» (ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 31. Л. 5), а в июле 1945 г. на имя владыки было прислано прошение от имени 22 верующих с просьбой открыть именно Смоленскую церковь. В нем говорилось: «Просим Вас, Владыко, открыть нам наш родной храм Смоленской Богоматери на Смоленском кладбище. Васильевский остров по числу жителей превышает население многих больших областных городов и не имеет ни одного храма, тогда как раньше В. О. обслуживало 7 храмов. На Смоленском кладбище и около него похоронена масса жертв блокады. Все наши родные: мужья, отцы, дети и братья — одни погибли, другие находятся в рядах нашей Красной Армии. Дайте же, Владыко, нам возможность молиться за наших дорогих близких — живых и умерших, в старом, любимом, родном храме Смоленской Богоматери» (ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 24. Л. 12).

Еще одной причиной в пользу открытия храма, по мнению авторов письма, было то, что кладбище и храм являлись старейшими в Ленинграде и посещались не только василеостровцами, но и жителями всего города: «Примером может служить день Святой Троицы 1945 г., в который на кладбище были сотни тысяч верующих, а помолиться в храме не имели возможности». Указывали верующие и на то, что Смоленский храм не требует долгого ремонта: «Снаружи он совершенно цел, нужно исправить и застеклить, внутри же требует текущего ремонта и полного церковного оборудования» (ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 24. Л. 12).

В это же время, в июле 1945 г., на имя первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А. А. Кузнецова было получено коллективное заявление жителей Васильевского острова об открытии часовни Ксении Блаженной, которое было передано уполномоченному А. И. Кушнареву. В этом письме, подписанном 97 верующими, указывалось, что на Васильевском острове нет ни одной церкви и что в случае открытия часовни «за порядком и чистотой часовни будем наблюдать все молящиеся» (ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 24. Л. 16). 6 августа уполномоченный направил ответное письмо в особый сектор обкома и горкома ВКП(б), в котором сообщил, что познакомил временно управляющего Ленинградской епархией архиеп. Григория с содержанием заявления верующих об открытии храма-часовни на Смоленском кладбище (ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 24. Л. 14).

Ходатайство было подписано столь многочисленной группой верующих и послано в такую инстанцию, что не отреагировать на него было невозможно. Поскольку архиерей поддержал ходатайство, местные власти, понимая, что для «успокоения верующих» стоит открыть один храм на Васильевском острове, решили дать ход делу. 3 октября 1945 г. уполномоченный А. И. Кушнарев, которому были переданы митр. Григорием прошения верующих, поданные ранее, обратился к председателю Свердловского райисполкома В. И. Киселеву с просьбой проверить сведения, представленные ходатайствующими, указав, в каком состоянии находятся Смоленская церковь и часовня Ксении Блаженной и как используются в настоящее время (ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 24. Л. 13).

В ответном письме секретарь Свердловского исполкома О. П. Уразов 4 ноября 1945 г. сообщил, что установить личности ходатайствующих об открытии храма невозможно, поскольку в прошении отсутствуют имена и адреса жителямства. О церковном здании было сказано, что в настоящее время оно используется как склад тары от горючих жидкостей, хранившихся там в годы войны, и требует текущего ремонта (ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 24. Л. 38). В часовне Ксении Блаженной также располагался склад пустой тары из-под горючей жидкости.

Официальное решение об открытии Смоленского храма было принято только через год. Пока это дело рассматривалось в различных инстанциях, ходатайства о скорейшем открытии Смоленской церкви и часовни Ксении Блаженной не прекращались. В справке секретаря митр. Григория прот. Павла Тарасова от 16 сентября 1946 г.,

сделанной для владыки о верующих, подписавших ходатайство об открытии храма, говорилось, что они известны в качестве «ранее работавших в церкви Смоленского кладбища, ходатайства которых исходят из желания удовлетворить нужды верующих без личных корыстных целей» (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 103. Л. 2).

19 сентября 1946 г. от имени жителей Ленинграда к митр. Григорию с рапортом обратился благочинный Городского округа прот. Николай Ломакин. Со слов верующих и по личным наблюдениям он сделал выводы о необходимости в ближайшее время открыть храм на Смоленском кладбище (аргументы, которые благочинный приводил в рапорте, были использованы в деле о передаче здания Смоленской церкви и часовни верующим).

Отец Николай сообщал митрополиту о большом количестве людей, посещавших Смоленское кладбище и выражавших желание молиться в церкви и в часовне за своих умерших родственников, многие из которых, похороненные на кладбище, являются жертвами минувшей войны: «Имена этих патриотов бессмертны, и естественно желание верующих молиться за них здесь особо». Еще одной причиной желательности открытия храма протоиерей называл большое количество «разных проходимцев, лиц деклассированного порядка и самочинников — заштатных клириков», которые на кладбище, где нет храма и, соответственно, штатного духовенства, предлагают желающим свои услуги как «требоисправители», при этом своей «непрофессиональной» деятельностью позорят статус священнослужителей епархии. Прот. Н. Ломакин назвал митр. Григорию (Чукову) имена нескольких подобных «священников»: лишенный сана иосифлянский иеромонах Павел (в миру Петр Яковлевич Лигор), прот. Константин Журавлев, протоиерей Маслов, не имевший сана Ефим Горбашев и др., но владыка об их существовании знал и раньше, хотя в резолюции от 22 июня указал: «Сообщить уполномоченному» (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 103. Л. 3–4).

Еще в июле 1946 г. инспектором Свердловского райфинотдела Смирновым «при обходе Смоленского кладбища были выявлены лица, исполняющие обязанности священников без надлежащего на это разрешения», в том числе обнаружен «священник», лишенный сана и работавший в райпищеторге ночным сторожем (имелся в виду иеромонах Павел) (ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 2. Д. 3. Л. 90). Следует упомянуть, что открытие храма способствовало решению проблемы, так как до этого момента наказание «нелегалов» ограничивалось только штрафом, и через некоторое время «самозванцы» предлагали свои услуги верующим снова. После открытия Смоленской церкви, согласно отчету благочинного Городского округа уполномоченному А. А. Кушнареву за первый квартал 1947 г., «один из них получил назначение в приход, а прочие просто вынуждены были прекратить здесь свою работу» (ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 2. Д. 17. Л. 25).

Поскольку средств у Ленинградской епархии было еще немного, актуальной являлась еще одна, называемая прот. Н. Ломакиным в рапорте от 19 сентября 1946 г., причина открытия именно Смоленского храма: «Материально-техническое состояние храма и часовни довольно терпимые, и полагаю, не потребуют непосильных расходов на ремонтные работы, которые не явятся тяжелым балластом для епархиальной кассы» (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 103. Л. 5).

Наконец 4 ноября 1946 г. Бюро Ленгорисполкома постановило открыть храм в Свердловском районе Ленинграда и, в соответствии с постановлением «О порядке открытия церквей», передало материалы в Совет по делам Русской православной церкви (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 25. Д. 194. Л. 235). 24 декабря и Совет принял решение об открытии Смоленского храма, при этом о часовне Ксении Блаженной в постановлении сказано не было (ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 24. Л. 112–113, 121, 126–127; Д. 26. Л. 63, 72; Оп. 2. Д. 10. Л. 12). В январе 1947 г. их здания официально передали Ленинградской епархии, причем верующие узнали об этом в конце месяца.

18 января 1947 г. занимавшиеся организацией общины О. И. Кононова и Л. С. Адрианова (будущие члены исполнительного комитета «двадцатки») направили в канцелярию митр. Григория письмо, в котором говорилось: «Ваше Высокопреосвященство!

Несмотря на наши неоднократные просьбы сообщить нам что-либо об открытии храма Смоленской Божией Матери, мы до сих пор не получили от Вашей канцелярии никакого извещения, а между тем, нам неудобно ходить по городу, так как прихожане Смоленского храма спрашивают нас, скоро ли будет открыт храм и что нам об этом известно». Далее авторы письма просили митрополита сообщить, в каком состоянии находится дело, где и когда будет выбираться «двадцатка» (приходской совет). Последние строки говорят о том, что верующие были убеждены в принятии положительного решения об открытии Смоленского храма и даже не предполагали иного исхода дела. Резолюция митрополита на письме была поставлена 25 января: «Сообщить, что храм разрешен к открытию и причт уже назначен» (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 103. Л. 6).

Именно в этот день владыка Григорий назначил членов причта, в том числе настоятеля опытного священника Василия Васильевича Раевского, который должен был не только наладить приходскую жизнь, но и организовать ремонтные работы и содействовать обеспечению Смоленского храма необходимыми предметами культа. Отец Василий до принесения покаяния был обновленческим протоиереем, и это, видимо, сыграло определенную роль в его назначении, так как часть прихожан Смоленской церкви ранее являлись обновленцами.

Далеко не все ленинградские чиновники были довольны принятым решением. 31 января 1947 г. председатель президиума Ленинградского металлического ремонтного промыслового союза в письме А. А. Кушнареву указал, что храмы кладбища якобы находятся «в крайне запущенном состоянии», и поскольку до войны они использовались как «склад утиля и жестиаческим производством», просил передать их «для организации производства изделий народного потребления». При этом в письме отмечалось, что, по сведениям «начальника РЖУ Свердловского района Семенова, по пятилетнему плану благоустройства Ленинграда Смоленское кладбище ликвидируется и на этом месте будет создан парк культуры» (ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 2. Д. 10. Л. 11).

Реагируя на это письмо, уполномоченный 4 февраля переслал в Совет по делам Русской православной церкви документы на передачу Ленметремпромсоюзу «бесхозного разрушенного здания Воскресенской церкви, на которое не поступали заявления верующих», одновременно напомнив Свердловскому райисполкому, что Смоленская церковь подлежит передаче верующим и этот вопрос решен окончательно (ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 2. Д. 10. Л. 12). Впоследствии А. И. Кушнарев выяснил, что какого-либо заявления об открытии Воскресенской церкви от верующих не поступало (ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 2. Д. 10. Л. 13).

Часовня Ксении Блаженной на Смоленском кладбище была открыта и освящена отцом Василием Раевским 1 февраля 1947 г. Только через месяц, 8 марта, была открыта и освящена Смоленская церковь. Задержка произошла потому, что храм нуждался в ремонте, который начали 4 февраля, вскоре после назначения митр. Григорием причта. Накануне освящения, 7 марта, в 18 часов было совершено всенощное бдение. На освящение Смоленского храма пришло так много верующих, что он оказался переполненным. После торжественного освящения церкви, которое было проведено самыми известными священнослужителями города — настоятелем кафедрального Николо-Богоявленского собора, секретарем митр. Григория прот. Павлом Тарасовым, протт. Михаилом Славнитским, Павлом Фруктовским, были совершены Литургия и благодарственный молебен. Затем отец Павел Тарасов приветствовал присутствующих от имени митрополита, он также составил и переслал владыке «Описание освящения Смоленской церкви». В торжестве участвовала делегация русского Западноевропейского экзархата из Парижа: прот. Андрей Сергиенко, иером. Сергей и Н. А. Полторацкий. Участники освящения послали телеграммы патр. Алексею, митр. Григорию и уполномоченному А. А. Кушнареву (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 103. Л. 16).

16 марта 1947 г. владыка Григорий рукоположил во иерея к храму Смоленской иконы Божией Матери Михаила Васильевича Гундяева, отца Святейшего Патриарха

Московского и всея Руси Кирилла. В начале 1947 г. отбывший ранее трехлетнее заключение в лагерях по церковному делу «евлогиевцев» Михаил Васильевич подал прошение митрополиту о рукоположении в священник сан. Владыка, сам прошедший через тюремное заключение и ссылку, предупредил, что священнику, имеющему такую биографию, как у М. В. Гундяева, он не сможет дать приход в Ленинграде: «Если Вы действительно желаете сменить свою ленинградскую квартиру на проживание на самом отдаленном приходе Ленинградской епархии, в селе Петрова Гора, то я Вас рукоположу. Но на служение в городе Ленинграде не рассчитывайте. Так что идите и советуйтесь с супругой». После совета семья приняла решение переехать в село. Однако митр. Григорий сумел обойти препятствия и назначил о. Михаила Гундяева в Смоленскую церковь. Служение пастыря было успешным, он много и хорошо проповедовал, вокруг него собралась большая паства. Такая популярность о. Михаила как пастыря и проповедника вызвала одобрение его епархиального начальства, но раздражала советские власти [Патриарх и его корни, 2011, 60–92].

Когда церковные здания передали Ленинградской епархии, богослужебные предметы в них отсутствовали. Ничто из имущества, которое находилось в Смоленском храме и часовне Ксении Блаженной до закрытия, не сохранилось, и для проведения богослужений необходимо было найти богослужебные предметы. Храмы снабжались утварью и иконами одновременно с проведением в зданиях ремонтных работ. Обеспечение Смоленской церкви богослужебной утварью осуществлялось, в основном, за счет имущества, переданного из недействующих церквей Ленинградской области, и пожертвований верующих. Благодаря хорошо организованной работе Епархиального управления первая служба в Смоленской церкви была проведена уже через месяц после объявления митр. Григорием верующим, что власти разрешили передать храм епархии (назначение настоятеля произошло 19 января 1947 г.). К моменту освящения церкви в здании сделали относительно небольшой ремонт, а капитальный ремонт был произведен только в 1949 г., когда полноценно заработал выбранный приходской совет и у общины появились собственные средства [Большакова, 2009, 64–69].

В 1946 г. владыка Григорий хлопотал о передаче в Иоанно-Богословскую церковь Духовной академии иконостаса из переставшей действовать в 1930-х гг. Красенькой церкви (закрытого в 1938 г. храма Рождества Иоанна Предтечи на Каменном острове). Этот иконостас хранился в Музыкальном государственном издательстве, и по настоянию митрополита Инспекция государственной охраны памятников искусства и старины 11 мая 1946 г. дала согласие на его перенос в здание Духовных школ (ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 2. Д. 52. Л. 1). Однако указанный иконостас в итоге был установлен в начале 1947 г. в центральном приделе Смоленской церкви.

Позднее в отчете настоятеля на собрании «двадцатки» говорилось, что пришлось вставить 1100 стекол, вылетевших от разрыва немецкого снаряда, отремонтировать или сделать заново большую часть рам. Отец Василий также отмечал: «Под руководством архитектора комиссии по охране памятников старины Копылова поставлен иконостас из Красенькой церкви... который пришлось восстановить на 75%. Кроме того, электрифицирована церковь и часовня, а также территория храма» (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 19. Д. 148. Л. 1–2).

В послевоенный период церковь, как один из важнейших храмов города, нередко посещали зарубежные церковные делегации. Так, в ноябре 1947 г. Смоленскую церковь посетил митрополит Гор Ливанских Илия (Карам) в сопровождении настоятеля Князь-Владимирского собора прот. Михаила Славнитского. В интервью журналистам митрополит необычно охарактеризовал цель своего визита: «Поездка в Советский Союз доставила мне истинное удовольствие. Целью моего визита было возложение священной короны на Казанскую икону Божией Матери, находящуюся в Ленинграде. Я выполнил эту миссию и совершил несколько богослужений в прекрасных храмах города-героя» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 66. Л. 152–153).

Владыка прибыл в Ленинград 25 ноября, в поездке в Северную столицу от правительства его сопровождал А. Н. Косыгин, а от Московской Патриархии — митрополит

Ленинградский и Новгородский Григорий. 27 ноября митр. Илия посетил Князь-Владимирский собор, увидел находившуюся всю войну в храме чудотворную икону и возложил на нее золотой венец [Гнутава, 2000, 66–67]. Шесть дней находился владыка Илия в городе святого апостола Петра, успел посетить Духовную академию и семинарию, ряд музеев и выставок и несколько храмов, в том числе Смоленскую церковь.

В декабре 1947 г. в нее, по благословиению митрополита Ленинградского и Новгородского Григория, передали из Князь-Владимирского собора особо чтимую икону Божией Матери «Умиление» (Милующую) — список с одного из главных образов Святой Горы Афон. Эта икона в 1887 г. была пожертвована иеромонахом русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне Арсением в строившийся приходской храм Милующей иконы Божией Матери в Галерной гавани (на Большом проспекте Васильевского острова), где образ находился до закрытия храма 2 июня 1932 г. Передача чтимого образа была сделана по просьбам жителей Гавани, которые, став после открытия Смоленского храма его прихожанами, попросили вернуть им их святыню. Об этом говорилось в рапорте о. Василия Раевского митр. Григорию от 29 декабря: «Верующие жители Гавани обращаются через меня к Вашему Высокопреосвященству со слезною просьбою — разрешить перенести чтимую икону Милующей Божией Матери из Владимирского собора в Смоленскую церковь... С восстановлением Смоленской церкви все православные жители Гавани горят желанием видеть и молиться перед чтимую свою иконой в своем приходском храме» (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 103. Л. 9).

7 августа 1948 г. был зарегистрирован исполнительный орган «двадцатки» Смоленской церкви и ее ревизионная комиссия. Старостой еще в 1947 г. был избран Георгий Павлович Васильев, отстраненный от этого поста в августе 1950 г. в связи с возбуждением уголовного дела Министерством госбезопасности (обвинения в отношении Васильева не подтвердились) (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 103. Л. 11, 20, 58–60, 123).

7 октября 1948 г. о. Василий Раевский написал прошение митрополиту Григорию об устройстве в церкви двух новых приделов: во имя иконы Божией Матери «Умиление» (Милующей) и св. вмц. Екатерины (так как одноименная церковь действовала ранее на Васильевском острове). Настоятель попросил также помочь в получении для них двух иконостасов из закрытых храмов. В своей резолюции митрополит писал: «Снести с уполномоченным и Отделом охраны памятников об иконостасах», однако получить их в то время не удалось (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 103. Л. 19).

Вскоре, 30 октября того же года, настоятелем Смоленской церкви вместо о. Василия был назначен служивший ранее в Князь-Владимирском соборе блокадный пастырь прот. Илия Васильевич Попов. Он оставил пост настоятеля по состоянию здоровья 3 августа 1950 г. Позднее о. Илия служил в Спасо-Преображенском соборе, затем — в Димитровской Коломяжской и Никольской Большеохтинской церквях. Он скончался в 1954 г. (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Личное дело протоиерея Илии Попова).

В феврале 1949 г. община Смоленского храма стала обладательницей большей части культового имущества из подлежащей закрытию Свято-Троицкой церкви в пос. Сиверская — церковного инвентаря, утвари, облачений, богослужебных книг, семи икон в киотах и запрестольного образа Воскресения Христова (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 103. Л. 23). Правда, Смоленская церковь, по просьбе благочинного Пригородного округа от 28 февраля, поделилась полученным имуществом с Красносельским и Суйдинским храмами, а также с Выборгским собором, которые также нуждались в богослужебных предметах (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 103. Л. 24).

В мае 1949 г. райкоммуноотдел передал общине в аренду деревянный домик рядом с церковью, ранее относившийся к ней. В том же месяце Смоленская церковь по указанию уполномоченного получила из Ленинградской духовной академии, вероятно, со склада Епархиального управления, который там находился, плащаницу, две хоругви, напрестольный ковчег и две иконы — св. вмц. Екатерины на полотне и свв. Фрола и Лавра, а из закрытой лютеранской церкви св. Михаила Архангела на Васильевском острове — колокол (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 103. Л. 28–29).

В результате, согласно первой инвентарной описи имущества, составленной 28 сентября 1949 г., в Смоленской церкви насчитывалось 497 предметов, а в часовне 46 (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 103. Л. 45–57); [Шуныгина, 2009, 195–196]. Эта опись была сделана в связи с подписанием договора с прихожанами о передаче им в использование имущества церкви, который был заключен с образованной «двадцаткой» 15 августа 1949 г. сроком на 10 лет (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 103. Л. 58–59). Кроме того, в это же время в Смоленском храме, согласно рапорту настоятеля митр. Григорию от 3 августа, начался капитальный ремонт, при этом богослужения, которых так долго ждали жители Васильевского острова, не прекращались ни на один день (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 103. Л. 42).

Только составленная в августе смета на реставрацию икон равнялась 19,4 тыс. руб. 15 октября митр. Григорий благословил устроить в часовне Ксении Блаженной новое надгробие из белого мрамора за счет благотворителей. К празднику Введения во храм Пресвятой Богородицы в 1949 г. богослужение проходило уже в обновленном главном приделе. Ремонт Смоленской церкви, проходивший под наблюдением епархиального архитектора Удаленкова и его помощника Казанского, был в основном завершен в декабре 1949 г. (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 103. Л. 65, 87).

Все открытые для богослужений в Ленинграде церкви имели две общие черты – они были небольшими по размеру и не требовали значительных затрат на ремонт. До передачи верующим в их зданиях размещались организации, которым легко можно было предоставить взамен другое помещение. Кроме этого, о передаче именно этих храмов епархии особенно часто ходатайствовали верующие. Для советских властей главным аргументом при принятии решения об их открытии было то, что здания находились в отдаленных частях города, где не было ни одного действующего храма, и возрождение в них приходской жизни не могло привлечь значительного внимания общественности (см.: [Шуныгина, 2009]).

Митрополит Григорий активно помогал развитию церковной жизни в Смоленском приходе и нередко совершал там богослужения. В частности, он служил литургию 10 августа 1949 г., в храмовый праздник Смоленской иконы Божией Матери. 6 февраля 1950 г. – в день памяти прп. Ксении Римляныни, когда отмечалась память Ксении Блаженной, владыка Григорий совершил позднюю литургию в Смоленской церкви, из которой был устроен крестный ход в часовню, и у гроба блаженной была отслужена панихида (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 103. Л. 42, 93).

24 мая 1950 г. епископом Лужским Симеоном (Бычковым) в храме был освящен новоустроенный северный придел во имя иконы Божией Матери «Умиление» («Достойно есть»), для которого еще в октябре 1949 г. был взят иконостас одного из приделов нижнего храма церкви Владимирской иконы Божией Матери (на Владимирской площади), закрытой в конце 1930-х гг. В приделе поместили чтимую икону Божией Матери «Умиление», переданную из Князь-Владимирского собора.

Весной 1950 г. в храм был передан большой, написанный на стекле запрестольный образ Богородицы с Младенцем, исполненный в начале XX в. для церкви Клинического пивального института (позднее НИИ акушерства и гинекологии) на Менделеевской линии, д. 3. 25 марта он был установлен на Горнем месте главного алтаря. 20 июня того же года количество богослужебных предметов Смоленской церкви увеличилось, так как по распоряжению Епархиального управления в нее передали часть инвентаря из церкви св. Иова на Волковом кладбище (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 103. Л. 15, 94).

Если летом 1949 г. в Смоленском храме служили пять членов причта, то через год уже восемь: настоятель прот. Илья Попов, прот. Георгий Константиновский (с 17 июня 1950 г.), священники Михаил Гундяев, Иоанн Волоколамский, диаконы Николай Одар-Боярский, Феодор Петров (с 17 июня 1950 г.), псаломщики В. П. Павинский и Е. А. Вендеревский (с 15 августа 1949 г.). Правда, 20 июля о. Иоанн Волоколамский скончался, и 22 июля епископ Лужский Симеон совершил его отпевание в Смоленской церкви; похоронили священника на Шуваловском кладбище (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 103. Л. 44, 166, 181).

28 июля 1950 г. администрация г. Кронштадта передала в Смоленский храм около 50 церковных предметов из закрытых в 1930-е гг. храмов города, в том числе

плащаницу. На следующий день, 29 июля, был подписан акт о завершении реставрации алтаря главного придела. За год реставрационных работ пришлось сменить две бригады реставраторов. 3 августа прот. Илия Попов оставил пост настоятеля. Помимо плохого состояния здоровья пастыря одной из причин этого стала жалоба верующих на необходимость упорядочения служб в часовне Ксении Блаженной. В тот же день, 3 августа 1950 г., митр. Григорий назначил новым настоятелем второго священника храма — прот. Георгия Константиновского, который завершил ремонтно-строительные работы в Смоленской церкви и часовне Ксении Блаженной к октябрю 1951 г. 3 августа 1950 г. в состав причта вместо выбывших приняли двух новых священников — Бориса Тихомирова и Григория Селиванова (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 103. Л. 214).

На время отпуска о. Георгия Константиновского, с 4 сентября по 3 октября, митр. Григорий возложил исполнение обязанностей настоятеля на одного из самых известных пастырей Ленинграда — благочинного Городского округа прот. Александра Медведского. В дальнейшем обязанности настоятеля в период отсутствия о. Георгия исполнял свящ. Михаил Гундяев. В этом качестве он написал митр. Григорию ходатайство о разрешении устройства деревянной перегородки в западной части церкви для крестильни (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 103. Л. 257).

16 октября 1950 г. в состав причта в качестве псаломщика был принят прежде иосифлянский иеромонах Павел (Лигор), до 1949 г. нелегально проводивший службы на Смоленском и других кладбищах, и затем принятый в юрисдикцию Московского Патриархата как монах (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 103. Л. 258). В Смоленской церкви он прослужил около 30 лет. 26 ноября старостой храма был избран А. А. Вольнин.

В этом же месяце община пожертвовала на благоустройство переданного для Епархиального управления Духовского корпуса Александро-Невской лавры 25 тыс. рублей, а 25 ноября 1950 г., в день освящения митрополичьей крестовой церкви св. князя Александра Невского, подарила серебряный позолоченный ковчег и оклад на Евангелие (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 103. Л. 286).

10 января 1951 г. в состав причта Смоленской церкви был принят прот. Михаил Смирнов, вскоре перешедший в Николо-Богоявленский собор, а 3 апреля — еще один блокадный пастырь, свящ. Лев Егоровский; кроме того, 9 февраля в сан диакона к Смоленской церкви посвятили Александра Яковлева. 6 февраля 1951 г., в день памяти прп. Ксении Римляныни, когда отмечалась память Ксении Блаженной, владыка Григорий совершил литургии в Смоленской церкви (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 103. Л. 310).

17 апреля отмечалось 70-летие о. Георгия Константиновского, который был награжден к этой дате наперсным крестом с украшениями. 21 мая свящ. Григорий Селиванов ушел за штат, а вместо него в состав причта в тот же день приняли служившего в период блокады прот. Симеона Рождественского, который сыграл заметную роль в богослужебной жизни Смоленской церкви.

Еще с осени 1948 г. советская религиозная политика снова начала ужесточаться. Одним из средств борьбы с религией в это время была тяжелая система налогообложения. Особой активностью в этом плане отличался финансовый отдел Ленгорисполкома (Ленгорфо), налагавший на священнослужителей чрезвычайно обременительные налоги. В частности, в июне 1951 г. членов причта Смоленской церкви известили, что их взносы на епархиальные нужды решением Министерства финансов от 9 мая подлежат налогообложению на общих основаниях, и потребовали с них задним числом уплаты этих налогов за 1949–1950 гг.

В качестве примера можно упомянуть, что на свящ. Михаила Гундяева был наложен огромный налог в размере 120 тыс. рублей, который пастырь не мог заплатить. В итоге по суду был наложен арест на зарплату о. Михаила, а затем описана мебель в квартире, где он проживал с семьей. Согласно судебному решению, священник должен был либо внести недостающую часть налога, либо отправиться в тюрьму. Требуемые государством деньги пришлось собирать по ленинградским храмам, а также среди друзей и знакомых (у о. Михаила был широкий круг знакомств в различных слоях ленинградской интеллигенции). Благодаря совместным усилиям нужная сумма

была собрана и внесена. Правда, следствием этого явилось то, что до начала 1970-х гг., почти до самой своей кончины, о. Михаил выплачивал большие долги. Это наложило отпечаток на существование и достаток его семьи, которая была вынуждена жить очень скромно [Гладышев, 2018, 125–126].

В послевоенные годы на Смоленском кладбище, помимо часовни Ксении Блаженной, поклонение верующих было обращено еще к нескольким чтимым захоронениям, что вызвало резко негативную реакцию советских властей. Особенное почитание приобрела «могила сорока мучеников» — священников, будто бы «закопанных большевиками в землю живыми в дни лютых гонений на Церковь от безбожников за исповедание веры». Впервые упоминание о ней в архивных документах встречается в докладной записке митр. Григорию от о. Василия Раевского от 20 мая 1948 г., сообщавшего, что на кладбище есть могила будто бы расстрелянных «в начале Октябрьской революции» сорока священников, и «в Радоницу на этой могиле, по словам прихожан, было собрание и велась контрреволюционная и противоцерковная агитация» (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 103. Л. 12–13).

Тревогу настоятеля также вызвало появление возле часовни Ксении Блаженной группы людей во главе с пятнадцатилетним подростком Виктором, которого они называли пророком и провидцем и с одобрением слушали не вполне связные речи мальчика о пришествии антихриста на Русскую землю [Большакова, 2009, 69].

Следует отметить, что в «могиле сорока мучеников», возможно, были захоронены священно- и церковнослужители, расстрелянные в период антирелигиозных репрессий в Воскресенской церкви, так как в ее подвале и на нижней части стен позднее были обнаружены следы от пуль. По одной из версий, казненные были похоронены на дальней окраине Смоленского кладбища, но в годы Великой Отечественной войны верующие скрытно перезахоронили их останки вблизи чтимой часовни Ксении Блаженной. Во второй половине 1940-х гг. горожане еще хорошо помнили недавние трагические события, поэтому посещали могилы новомучеников и ухаживали за ними.

Характерно, что в мае 1948 г. митр. Григорий, сам неоднократно подвергавшийся репрессиям, не стал со своей стороны препятствовать массовому посещению «могилы сорока мучеников», ограничившись резолюцией о необходимости сообщить о ней начальнику местной милиции. Однако к началу 1950-х гг. в связи с новым определенным ужесточением курса советской религиозной политики ситуация изменилась.

В отчетно-информационном докладе в Совет по делам Русской православной церкви о своей работе за 3-й квартал 1951 г. Ленинградский уполномоченный А. И. Кушнарев 18 октября писал: «В городе Ленинграде на Смоленском кладбище, где уже несколько лет назад запрещено захоронение покойников, неизвестными кликушами был распространен слух о том, что на окраине Смоленского кладбища обнаружен „священнодейственный ключик“. Религиозное шарлатанство скоро возымело свое действие и к этому месту стали собираться толпы народа. Принятыми административными мерами со стороны милиции эта маленькая грязная лужица была засыпана песком, и это место потеряло свой первоначальный религиозный „авторитет“.

Зато вместо ликвидированного „священнодействующего ключика“ появилась могила „Марии — матери Ксении Блаженной“, вокруг которой так же стали собираться толпы народа. Кроме могилы „Марии — матери Ксении Блаженной“, появилась еще одна могила т. н. „сорока мучеников“. По распространившимся среди верующих антисоветским высказываниям это могила „сорока священников, замученных большевиками“. Обе эти могилы долгое время являлись бесхозными, совершенно никем незамечаемы, и не охраняемы.

В 1951 году на могиле „Марии — матери Ксении Блаженной“ неизвестные лица установили большой деревянный крест с иконами, и вокруг могилы была возведена небольшая деревянная оградка. Могила „сорока мучеников“ без ограды, на которой было поставлено три деревянных креста и рядом с ней построена скамеечка для сидения.

Действующая на этом Смоленском кладбище Смоленская церковь и зарегистрированное при ней духовенство к этим шарлатанским и антисоветским действиям прямого отношения не имела. Но косвенные данные говорят о том, что священники Гундяев М. В. и Тихонравов Б. А. об этом знали, но никаких мер к разоблачению религиозного шарлатанства не предпринимали. Больше того указанные священники были в очень близких отношениях с монашкой по прозвищу „Катя“ которая принимала активное участие в распространении церковной антисоветской литературы.

О всем случившемся на Смоленском кладбище я сообщил Митрополиту Григорию. В соответствии с моей информацией, Митрополит Григорий, написал в канцелярию епархиального управления для ознакомления всему духовенству города Ленинграда... резолюцию... Резолюция Митрополита и целый ряд проведенных мероприятий по линии епархиального управления, перевод в другие церкви священников Гундяева и Тихонравова, увольнение монашки „Кати“, разъяснительная работа духовенства — среди верующих в проповедях сыграло некоторую положительную роль. А проведение оперативных мероприятий со стороны партийно-советских организаций завершило это дело. На Смоленском кладбище сейчас нет выдуманных могил и ключиков, нет их почитателей и организаторов религиозного шарлатанства» (ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 3. Д. 23. Л. 126–127).

Однако уполномоченный выдавал желаемое за действительное: «могила сорока мучеников» на Смоленском кладбище сохранилась и в дальнейшем неизменно продолжала стяжать почитание верующих. Существовали в последующем и другие места поклонения.

Под жестким давлением советских властей митр. Григорий действительно написал 16 августа 1951 г. резолюцию с осуждением появления на Смоленском кладбище новых мест поклонения: «По дошедшим до меня сведениям, на Смоленском кладбище уже года три тому назад, помимо часовни „Ксении Блаженной“, была украшена неизвестными людьми и другая часовня „Блаженной Анны“, около которой служатся панихиды. Затем последовали еще новые и уже совершенно легендарные открытия могил: „40-ка мучеников“, „Матери Блаженной Ксении“ и многих других. Откопан какой-то колодезь, из которого раздается „водичка“. Некоторые из священников церкви покровительствуют таким явлениям... С целью прекращения указанных явлений, могущих бросить тень на ленинградское духовенство в поощрении разных суеверных обычаев, не одобряемых Св. Церковью, предлагаю духовенству названных церковью (Смоленской и Лесновской) воздержаться от служения панихид на подобных „новооткрываемых могилах“ и провести в храмах ряд разъяснительных поучений для народа с целью держаться твердо православной веры, поучению Слова Божия и Св. Церкви и не поддаваться всяким легендам и сказаниям, может быть нарочито измышляемым для подрыва спокойной жизни Св. Православной Церкви» (ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 2. Д. 45. Л. 195).

Под давлением уполномоченного указом митр. Григория от 25 августа 1951 г. священник Михаил Гундяев был переведен в штат Спасо-Преображенского собора, где с 30 апреля 1953 г. стал исполнять обязанности помощника настоятеля по богослужбной части. Отец Михаил служил в Спасо-Преображенском соборе около десяти лет — до 5 июля 1960 г., когда его назначили настоятелем Александро-Невской церкви в Красном Селе. Скончался пастырь в 1974 г. в Ленинграде (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 32. Л. 201; Д. 33. Л. 123). Священник Борис Тихонравов был переведен в Свято-Троицкую церковь Всеволожска. В декабре 1951 г. прихожане Смоленской церкви написали ходатайство патриарху Алексию I об оставлении отцов Михаила и Бориса в их храме, но митр. Григорий 30 декабря утвердил перемещения. При этом о. Михаил Гундяев еще несколько месяцев продолжал обслуживать прихожан Смоленской церкви по их просьбе, совершая требы на дому у верующих (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 32. Л. 201; Д. 104. Л. 102).

Кушнарева не устраивало еще одно обстоятельство. В упоминавшемся отчетно-информационном докладе он писал: «Со слов кладбищенской администрации

и выездом на место, мною было установлено, что зарегистрированное духовенство города Ленинграда совершает панихиды на общих — братских могилах. О неправильных действиях этого духовенства был поставлен в известность Митрополит Григорий» (ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 3. Д. 23. Л. 127).

И 25 августа 1951 г. владыка Григорий написал указ о необходимости воздержаться от служения панихид на общих братских могилах умерших в период блокады: «На некоторых кладбищах г. Ленинграда (Серафимовском, Смоленском и друг.) имеются братские могилы, в которых в 1941–42 годах были захоронены массы умерших не только православного исповедания, но и других вероисповеданий, и не принадлежащих ни к какой религии. Между тем бывают случаи, что, по просьбе родственников умерших, православные священники кладбищенских храмов совершают на этих общих братских могилах панихиды по умершим православным, возбуждая недоумение и даже недовольство тех, чьи погребенные в этих общих могилах родственники не принадлежали к православному и вообще христианскому исповеданию или даже вообще к религии. Предлагаю о.о. настоятелям кладбищенских храмов города воздержаться от служения панихид на братских общих могилах, предлагая родственникам православных почивших в случае их просьбы — совершать панихидное поминовение таковых не на кладбищах, а в самих храмах» (ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 3. Д. 43. Л. 212). После этого священники Смоленской церкви были вынуждены прекратить служение панихид на братских могилах.

25 августа 1951 г. вместо переведенных отцов Михаила и Бориса в состав причта был принят ветеран Великой Отечественной войны, бывший политзаключенный прот. Константин Ливановский, 22 сентября — свящ. Олег Столяр, 18 октября — свящ. Анатолий Малинин, а 23 октября — диакон Николай Назаров.

В это же время в храме проводились ремонтные работы. 22 июня Епархиальный строительный комитет утвердил смету на капитальный ремонт фасада и кровли Смоленской церкви в размере 98 тыс. рублей, а уже 6 октября работы были закончены. Староста А. А. Вольнин хотел отремонтировать также часовню на могиле блаженной Анны и часовню вблизи церкви, находящуюся в ведении райисполкома, но уполномоченный не дал своего разрешения. В результате возникшего конфликта Вольнин был уволен «по состоянию здоровья», и 14 декабря 1951 г. старостой был избран М. И. Дмитриев (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 104. Л. 30, 37, 92).

24 января 1952 г. в состав причта был принят свящ. Александр Вознесенский. 11 апреля скончался о. Лев Егоровский, 15 апреля его отпели в Смоленской церкви, а похоронили на Шуваловском кладбище. 4 июня штатным клириком церкви стал свящ. Александр Рыжков. Регентом церковного хора до ноября 1952 г. был Ф. Т. Васюсин.

Митрополит Григорий продолжал совершать богослужения на Смоленском кладбище. В частности, владыка служил литургии в Смоленской церкви 6 февраля 1952 и 1953 гг. — в день памяти прп. Ксении Римляныни, когда отмечалась память Ксении Блаженной, и 10 августа 1952 и 1953 гг. — в храмовый праздник Смоленской иконы Божией Матери.

В декабре 1952 г. скончался прот. Георгий Константиновский. В дальнейшем в течение ряда лет в Смоленском храме сменилось несколько настоятелей, каждый из них внес свой вклад в дело благоустройства церкви и часовни Ксении Блаженной. Так, 10 января 1953 г. настоятелем Смоленского храма был назначен большой почитатель Ксении Блаженной прот. Иоанн Николаевич Птицын. 15 января в состав причта вошел прот. Андрей Крылов. К этому времени свящ. Александр Рыжков был переведен в Николо-Богоявленский собор, а свящ. Анатолий Малинин — в церковь с. Черное Ленинградской области. Таким образом, в начале 1953 г. в состав причта входили девять человек: протоиереи Иоанн Птицын, Симеон Рождественский, Андрей Крылов, Константин Ливановский, свящ. Александр Вознесенский, диаконы Николай Назаров, Николай Одар-Боярский, псаломщики В. П. Павинский и монах Павел (Лигор) (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 105. Л. 3, 10).

19 февраля 1953 г. скончался прот. Константин Ливановский, он был отпет в Смоленской церкви и похоронен на Шуваловском кладбище. Поэтому 20 февраля в состав причта зачислили свящ. Александра Яковлева, 1 марта — снова свящ. Александра Рыжкова, а 17 марта диакона Иосифа Киверовича рукоположили во иерея к Смоленской церкви (вскоре его перевели в Князь-Владимирский собор). С 1 сентября в церкви служил игум. Феодосий (Григорович-Борисов), с 5 сентября, третьим псаломщиком, — диакон Ианнуарий Демин, с 19 октября, вторым священником, — прот. Константин Верзин. В ноябре 1953 г. 50-летие церковного служения прот. Симеона Рождественского было отмечено архиерейской грамотой митр. Григория. 18 декабря для упорядочения пения в часовне Ксении Блаженной регентом был назначен А. А. Никифоров.

Трудами прот. Иоанна Птицына были начаты восстановительные работы по иконостасам, завершённые в январе 1954 г., проведено центральное отопление в часовне Ксении Блаженной и закончено электроосвещение храма. В октябре 1953 г. община Смоленской церкви пожертвовала полотнца в Ленинградские Духовные школы, 2 ноября внесла 100 тыс. рублей в фонд для удовлетворения благотворительных церковных и учебных нужд. Кроме того, она ежемесячно вносила 40 тыс. рублей на епархиальные нужды (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 105. Л. 107).

1 января 1954 г. вместо о. Иоанна настоятелем Смоленской церкви был назначен бывший секретарь Ленинградского митрополита и управляющий делами епархии прот. Павел Тарасов. 4 января он написал ходатайство владыке Григорию об открытии в церкви еще двух священнических вакансий и назначении на них двух молодых энергичных иереев Павла Кузина и Иосифа Киверовича, что митрополит и сделал 9 января (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 106. Л. 48–49).

Уже вскоре после назначения о. Павла у него возник острый конфликт с двумя членами причта, в результате чего 26 февраля о. Симеона Рождественского перевели в церковь св. Иова, а свящ. Александра Рыжкова — в Князь-Владимирский собор. Вместо них в Смоленскую церковь назначили свящ. Михаила Ипатова и снова прот. Андрея Крылова. 9 марта митр. Григорий отменил перевод о. Симеона, но 24 сентября 1954 г. все-таки назначил его в Троицкую церковь «Кулич и Пасха». К этому времени из состава причта выбыло еще несколько священнослужителей, вместо которых были назначены новые: 8 мая — прот. Николай Делицын, 11 мая — диакон Борис Романов, 25 мая — прот. Вячеслав Веригин, 1 июля — участник партизанского движения в Белоруссии диакон Павел Раина, 7 августа — свящ. Анатолий Метелица, 18 сентября — прот. Павел Маслов. Регентом с 1 апреля 1954 г. до 1960-х гг. был М. К. Захаров.

В июле-августе 1954 г. отремонтировали часовню Ксении Блаженной. При прот. Павле Тарасове также были произведены позолотные работы в центральной части Смоленского храма и приделе Милующей иконы Божией Матери, устроены новые киоты. В ноябре храм посетила церковная делегация из Великобритании. Однако в это время уже появились первые признаки новой антирелигиозной кампании, вскоре после выхода постановления ЦК КПСС об усилении атеистической пропаганды, в сентябре 1954 г. в газете «Вечерний Ленинград» был опубликован фельетон «Двулика Ксения». При этом число верующих, посещавших святыню, возросло. Так, с Пасхи 1955 г. в Смоленской церкви ежедневно служили две литургии (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 107. Л. 86).

6 марта 1955 г. новым старостой храма был избран служивший лейтенантом в годы Великой Отечественной войны М. В. Завадовский. Происходили изменения и в составе причта: с 18 февраля в церкви служил свящ. Александр Денисюк, с 10 июня — протоиереи Владимир Смирнов, Андрей Федоров и диакон Алексей Тихомиров, с 23 июля — свящ. Павел Дарманский, с 25 августа — прот. Владимир Молчанов и диакон Иоанн Шашков, с 22 сентября — протодиакон Александр Краснов. Хотя часть священнослужителей перевели в другие храмы, на 2 октября 1955 г. в состав причта уже входили 14 человек: протоиереи Павел Тарасов, Владимир Смирнов, Владимир Молчанов, Вячеслав Веригин, Павел Маслов, Андрей Крылов, священники

Павел Дарманский, Александр Денисюк, протодиакон Александр Краснов, диаконы Иоанн Шашков, Борис Романов, Николай Одар-Боярский, псаломщики В. П. Павинский и монах Павел (Лигор) (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 107. Л. 169).

Такого количества священнослужителей не было даже в соборах Ленинграда, за исключением кафедрального. Постепенно росли и доходы общины. В частности, свечной доход в 1952 г. составлял 1134 тыс. руб., в 1953 г. — 1264 тыс., в 1954 г. — 1396 тыс., и в 1955 г. — 1420 тыс. руб. (епархиальные взносы выросли до 600 тыс. руб. в год). Общий доход в 1952 г. составлял 1798 тыс. руб., в 1953 г. — 2014 тыс., в 1954 г. — 2069 тыс., в 1955 г. — 1967 тыс., а в первом квартале 1956 г. — 416 тыс. руб. (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 107. Л. 186).

Осенью 1955 г. скончался митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков), и 9 ноября прот. Павел Тарасов с причтом Смоленской церкви соборно служил панихиду у гроба владыки в кафедральном Николо-Богоявленском соборе, а в октябре 1958 г. община пожертвовала для устройства надгробия на могиле митрополита 20 тыс. руб. 24 июня 1956 г. новый митрополит Ленинградский и Ладожский Елевферий (Воронцов) совершил богослужение в Смоленской церкви в праздник Святой Троицы и Милующей иконы Божией Матери (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 107. Л. 175; Д. 108. Л. 41).

В 1956 г. после вычета текущих расходов на счету Смоленской церкви оставалось 29 138 руб., и почти все они — 25 тыс. — были пожертвованы на восстановление возвращенного верующим Свято-Троицкого собора Александро-Невской лавры (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 40. Л. 149). 6 сентября 1957 г. Свято-Троицкому собору подарили купель, а 11 августа того же года община Смоленской церкви передала безвозмездную ссуду Покровской церкви в Мариенбурге (Гатчине) для проведения ремонта.

17 декабря 1955 г. в состав причта был назначен прот. Григорий Лысюк, 2 ноября 1956 г. — прот. Владимир Демичев, а 1 февраля 1957 г. отправили за штат прот. Павла Тарасова. Около двух недель обязанности настоятеля временно исполнял прот. Владимир Смирнов, а 14 февраля настоятелем Смоленской церкви второй раз был назначен прот. Иоанн Птицын.

23 июня 1957 г., в день празднования 250-летия Ленинграда (оно отмечалось с четырехлетним опозданием), в храме после поздней литургии были зачитаны послания Святейшего патриарха Алексия и митр. Елевферия и состоялось служение торжественного молебна (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 108. Л. 163). 10 августа, в праздник Смоленской иконы Божией Матери, владыка Елевферий совершил литургию в храме.

Летом того же года по указу митрополита от 18 июня был проведен ремонт фасадов церкви и часовни Ксении Блаженной к началу VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. Два члена причта Смоленского храма — священник Павел Дарманский и диакон Иоанн Шашков — были 22 июля назначены для участия в фестивале. Вскоре после его окончания, 10 сентября, о. Павла Дарманского перевели в Спасо-Парголовскую церковь (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 108. Л. 199).

После разоблачения культа личности Сталина советские власти реабилитировали многих репрессированных священнослужителей. Так, вместо о. Павла 16 сентября 1957 г. в штат Смоленской церкви был принят приписной (с 3 февраля 1956 г.) прот. Петр Жарков — бывший член Псковской православной духовной миссии, осужденный в 1944 г. на 10 лет лагерей и освобожденный в 1955 г. Он прослужил в Смоленской церкви до 27 октября 1959 г. В дни пасхальных праздников 1958 г. в храме разрешили служить также ранее подвергнутому репрессиям бывшему иоофилянскому протодиакону Феодору Юдину. В дальнейшем он руководил народным пением за богослужением. В 1954–1958 гг. в состав причта Смоленской церкви входили 14–15 человек: семь штатных священников, два приписных священника, три диакона и два-три псаломщика. В частности, в начале 1958 г. третьим псаломщиком был принят Г. И. Кособроухов.

В это время многочисленные верующие из разных регионов СССР по-прежнему приезжали поклониться святыням Смоленского кладбища. Так, 3 февраля 1958 г. отец

будущего патриарха Алексия II настоятель Казанской церкви Таллина свящ. Михаил Ридигер написал в прошении митрополиту Елевферию: «я приехал на несколько дней в Ленинград по своим личным делам и в особенности для того, чтобы помолиться у гроба Блаженной Ксении, которую очень почитаю. Ввиду того, что в четверг 6 февраля совершается память Преподобной Ксении и по этому поводу совершается служба в церкви Смоленского кладбища, всепочтительнейше прошу разрешения Вашего Высокопреосвященства участвовать в этой службе». Разрешение от митрополита было получено. В том году 6 февраля праздничное богослужение в Смоленской церкви совершал епископ Ивановский и Кинешемский Роман (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 110. Л. 11).

7 июля 1958 г. настоятелем Смоленской церкви вместо о. Иоанна Птицына был назначен ранее трижды подвергавшийся репрессиям прот. Иоанн Иванович Чокой. В этот же день вместе с о. Иоанном Птицыным в Никольскую Большеохтенскую церковь был переведен прот. Владимир Смирнов. В Смоленский же храм 7 июля также назначили прот. Вениамина Ставропольского. При о. Иоанне был проведен внутренний ремонт центральной части церкви (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 110. Л. 290). Однако не все в его деятельности устраивало прихожан. Когда настоятель вынес из часовни икону прп. Ксении, лежавшую на мраморном надгробии Ксении Блаженной, верующие заставили его вернуть образ. Их поддержал митр. Елевферий, и уже 1 декабря 1958 г. о. Иоанн был переведен приписным священником к Серафимовской кладбищенской церкви, «как не справившийся с поставленной целью умиротворения прихода» (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 110. Л. 352; ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 41. Д. 519. Л. 4).

В тот же день, 1 декабря, настоятелем Смоленской церкви был назначен замечательный пастырь — прот. Константин Алексеевич Быстревский, человек высокой культуры, духовный сын священномученика прот. Философа Орнатского, активно участвовавший в иосифлянском движении, неоднократно подвергавшийся арестам и лишь чудом избежавший расстрела. При назначении митр. Елевферий так напутствовал о. Константина: «Внесите умиротворение в Смоленский приход» (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 112. Л. 6).

В этот период посещаемость Смоленской церкви верующими и ее доходы продолжали расти. В частности, свечной доход в 1956 г. составлял 1463 тыс. руб., в 1957 г. — 1681 тыс., а за 10 месяцев 1958 г. — 1392 тыс. Общий доход в 1958 г. составлял 2380 тыс. руб. Эти средства активно расходовались на благотворительность. Так, например, в декабре 1958 г. при Смоленской церкви кормили больше людей, чем при любом другом храме Ленинграда. Уже вскоре это вызвало резко негативную реакцию советских властей (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 110. Л. 320, 323–325).

С осени 1958 г. положение Ленинградской епархии и Русской Православной Церкви в целом резко ухудшилось. Начались так называемые хрущевские гонения, когда руководство коммунистической партии официально ставило цель полной ликвидации религиозных организаций в стране. В Ленинграде советские власти нанесли удар прежде всего по наиболее почитаемой в городе святыне — часовне Ксении Блаженной.

28 июня 1962 г. Василеостровский райисполком постановил запретить приходу Смоленской церкви пользоваться двумя молитвенными зданиями, что якобы «противоречит советскому законодательству», оставив общине лишь церковь и закрыв часовню Ксении Блаженной (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 41. Д. 519. Л. 1). Она была фактически закрыта 18 ноября 1962 г. и отдана под скульптурную мастерскую. В дальнейшем часовня долгое время пребывала в запустении, окруженная покосившимся дощатым забором, утыканным записочками верующих. Все годы, пока часовня была закрыта, не ослабевал поток богомольцев у ее стен. Жители Северной столицы и многих других российских городов все равно шли сюда и горячо молились на могиле блаженной, прося ее помощи в своих бедах и заступления. И как только появилась малейшая возможность снова открывать храмы, жители Северной столицы в 1983 г. добились возвращения Церкви первой именно часовни Ксении Блаженной.

Таким образом, святыни Смоленского кладбища традиционно играли важную роль в духовной жизни петербуржцев, что особенно ярко проявилось в советский период. Церковь Смоленской иконы Божией Матери и часовня Ксении Блаженной были закрыты одними из последних в городе — в сентябре 1940 г., накануне начала Великой Отечественной войны, но уже в 1946 г. советские власти оказались вынуждены разрешить их открытие и возвращение верующим. В дальнейшем церковь и часовня были быстро восстановлены и вновь стали местом стечения значительного количества богомольцев. Причт Смоленского кладбища был самым большим в Северной столице, его доходы постоянно росли и т. д. Все это вызывало резкое недовольство властей, и после начала антирелигиозных гонений конца 1950-х гг. часовня Ксении Блаженной была закрыта. После этого началась многолетняя борьба верующих за ее возрождение, завершившаяся успехом уже в 1980-е гг.

Источники и литература

Источники

1. АСПБЕ — Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф. 1. Оп. 7. Д. 32; Д. 33; Д. 40; Д. 103–112; Оп. 11. П. 11. Д. 50; Оп. 19. Д. 148; Ф. 2. Оп. 10. Д. 44; Ф. 3. Оп. 11. Д. 50; Личное дело протоиерея Илии Попова.
2. ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1; Д. 66.
3. ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 7384. Ф. 7384. Оп. 25. Д. 194; Оп. 33. Д. 66; Д. 67; Д. 76; Оп. 41. Д. 519; Ф. 9324. Оп. 1. Д. 9; Д. 13; Д. 24; Д. 26; Д. 31; Оп. 2. Д. 3; Д. 10; Д. 17; Д. 45; Д. 52; Оп. 3. Д. 23; Д. 43.

Литература

4. Большакова (2009) — *Большакова С. Е.* Под покровом Смоленской иконы Божией Матери. Церковь во имя Смоленской иконы Божией Матери. Храмы Смоленского кладбища. Часовня святой Блаженной Ксении Петербургской. СПб., 2009.
5. Гладышев (2018) — *Гладышев С. А.* Спасо-Преображенский собор в Санкт-Петербурге. М., 2018.
6. Гнутова (2000) — *Гнутова С.* Наперсная панagia Илии Карама, митрополита Гор Ливанских // Журнал Московской Патриархии. 2000. № 5. С. 66–67.
7. Добрынин (1963) — *Добрынин М.* 50-летие епископского служения Святейшего Патриарха Алексия // Журнал Московской Патриархии. 1963. № 5. С. 65–68.
8. Патриарх и его корни (2011) — Патриарх Московский и всея Руси Кирилл и его исторические корни на нижегородской земле. Фотоальбом / Сост. архим. Тихон (Затекин) и др. Нижний Новгород, 2011.
9. Петров (2020) — *Петров И. В.* У последней черты. Конфессии Ленинграда в 1941–1953 гг.: борьба за выживание и признание властью. М., 2020.
10. Пирожков и др. (1993) — *Пирожков Г. В., Кобак А. В., Пирютко Ю. М.* Смоленское православное кладбище // Исторические кладбища Петербурга. СПб., 1993. С. 234–256.
11. Шкаровский (2005) — *Шкаровский М. В.* Церковь зовет к защите Родины. СПб., 2005.
12. Шуньгина (2009) — *Шуньгина Е. В.* Политика Советского государства в отношении Русской православной церкви в 1940–1950-х гг.: возвращение культовых зданий церкви (на материалах Ленинграда). Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.
13. Юдин (1966) — *Юдин Н. И.* Правда о петербургских святых. Л., 1966.